

— Валентина Семеновна, вы многие годы были школьным учителем литературы. И вдруг, выйдя на пенсию, с головой окунулись в исторические расследования. Что пробудило ваш интерес к Айседоре Дункан? Существует множество описаний ее нелепой, случайной смерти от заматывшегося вокруг шеи газового шарфа, попавшего в колесо мчащегося автомобиля.

— Эта версия, оказывается, всего лишь красивая легенда. Сопоставив «просочившиеся» за последние годы с Запада сведения, поняла, что все было по-иному.

Во-первых, не было самого главного атрибута этой картины — мчащегося автомобиля. Гоночная машина «Бугатти», куда в злополучный сентябрьский вечер 1927 года садилась Дункан, отъехала от места стоянки всего на десять ярдов, чуть меньше десяти метров. Что касается множества очевидцев, то им в 9 часов вечера тоже было неоткуда взяться: свидетелей было только трое. И самое существенное: никакой газовый шарф на шее балерины в тот вечер не развевался.

Правда, платки на ней были. Один час-то служил для нее теплым платьем. А вторым была красивая шаль с длинными кистями, накинутая на плечи. Именно кисти шали и попали в колесные спицы.

— Валентина Семеновна, но разве столь важно в данном случае, что послужило причиной гибели балерины: шлейф или кисть, шарф или шаль?

— Как правило, одна полуправда или неправда тянет за собой другие. Так же и тут. В машине, по воспоминаниям присутствовавших, было не очень чисто, и шофер «Бугатти» предложил балерине свое кожаное пальто. Но некий кинооператор Ваня накинул на ее плечи шаль, мол, вечер прохладный. Айседора, поспротивлявшись немного, сдалась. Кстати, этот Ваня, о котором известно лишь то, что он хотел снимать фильм о балерине, после этого исчез, как сквозь землю провалился.

— Понимаю, куда вы ведете речь. Действительно, щупальца «недремлющего органа» застигали «врагов социализма» в любом уголке мира. Но при чем тут красивая, из гуши богемы женщина, танцовщица Айседора Дункан?

— Чтобы ответить на этот вопрос, для начала понадобится воскресить в памяти 1921 год. Этот год для России в нынешнем столетии был едва ли не самым драматичным. На страну обрушился небывалый голод.

Проживая в это время в Европе, на призыв о помощи откликнулась и великая танцовщица Айседора Дункан. Друзья и близкие, узнав о ее намерениях, умоляли ее одуматься, не делать этого шага: «Там людей, детей едят...» «Я должна поехать, чтобы спасти детей», — был единственный ответ «упрямой ирландки», как себя иногда называла балерина.

— Можно подумать, что о России к тому времени она знала лишь понаслышке. Но это не так. До революции балерина уже несколько раз гастролировала в нашей стране...

— До 1917 года она четырежды с громадным успехом выступала на сценах русских театров. Была знакома и с царской семьей.

— Известно, что до приезда в «красную» Россию балерина пережила большую личную драму, потеряла своих детей.

— Об этом много написано. Дети Дункан — Дейдре и Патрик — трагически погибли в Париже накануне первой мировой войны, в 1913 году. Утопились в упавшей с моста в Сену машине вместе со своей няней. Правда, эта история тоже таит много загадок, а все точки над «i» в ней до сих пор не поставлены. Хочу только сказать, что Айседору после гибели детей спасла лишь помощь другим детям. Вместе с братом Раймондом и его женой Айседора поехала в Албанию, где они организовали лагерь для детей-беженцев, многих спасли от голода и смерти. А еще помогли возвращению к жизни танцы, к которым Дункан вернулась спустя некоторое время.

— Итак, в 1921-м, стартом для России году она приезжает в Москву...

— К нам на этот раз она приехала как частное лицо. В поездке ее сопровождали горничная и одна из учениц созданной балериной в Германии школы танца —

В этом году исполнилось 120 лет со дня рождения великой, как называли ее, «босоножки» Айседоры Дункан. Это имя у нас всегда пребывало и продолжает оставаться в тени другого — певца земли Русской Сергея Есенина. И лишь в последние годы знаменитая балерина, образно говоря, вновь «обрела свой голос», «скинула» с себя покровы и пелены, заслонявшие ее личность, ее суть. Свою лепту в возвращение «божественной Айседоры» внесла и северянка Валентина Пашинина.

Лит. Россия. — 1998 — 2 окт. — с. 12

ДЕСЯТЬ ЯРДОВ ОТ СМЕРТИ

Ирма, которую Айседора удочерила. До того как выехать, она получила приглашение и от советского руководства. Звучали заверения, что под ее началом в школу танца в Москве соберут тысячу детей. Ходили слухи даже о том, что школа распахнет двери в Ливадийском дворце.

Но на деле все оказалось не так. Танцовщицу определили жить в национализированный особняк балерины Балашовой на Пречистенке. Здесь Дункан должна была открыть свою школу. Но в особняке не было не только элементарных удобств, дров и одеял для детишек, но даже отсутствовали печи. Просьбы о помощи школе власти с самого приезда балерины стали игнорировать. Но Айседора не отчаялась. Ведь это был человек, уже с четырех лет зарабатывавший себе средства на пропитание. Не надо забывать и о ее «ирландском упрямстве». Вопреки всему и вся она открыла в Москве свою школу. Правда, учениц оказалось не тысячи и даже не сто, а всего сорок. Но заботы о них полностью легли на плечи Дункан. Топливо, еда, одежда — все приобреталось за ее счет. Многие жаждали посмотреть, как рухнет затея американки создать в России школу танца. А вместо этого уже через месяц они стали свидетелями триумфального выступления ее труппы на сцене Большого театра. Даже трастганый Ленин послал юным танцовщицам букет цветов.

— Наверное, для многих все это станет неожиданностью. Зато фразу: «Пустите Дуньку в Европу», которая вошла и в «Кремлевские куранты» Н. Погодина, многие, видимо, помнят. Вы можете объяснить подоплеку появления и истинный смысл этих слов?

— Бедственное положение, в котором очутилась танцовщица и ее школа, требовало от актрисы решительных действий. И она нашла выход, решив организовать гастроли своей школы в Америке и Европе и таким образом заработать необходимые средства. С этим предложением она как-то обратилась к высокопоставленным советским чиновникам. А взамен получила обидное прозвище «Дунька», которое стало гулять и по книжным страницам.

В Европу она все же выехала, но лишь вдвоем с мужем, Сергеем Есениным. Ни одну из учениц с ней не выпустили, полагая, что в Россию обратно они не вернуться. Так, наверное, оно бы и было.

— Эти гастроли, как известно, закончились для Дункан грандиозным провалом...

— Иного и трудно было ожидать. Ее не приняли в России. От «красной» Дункан откристились в Америке, на Западе. Невозможно представить и ее гастроли на сцене европейского государства, когда весь репертуар балерины состоял из танцев, навеянных революцией. Она танцевала даже под «Марсельезу» и «Интернацио-

нал». Так неужели такую пропагандистскую «мину» могли допустить к своим подмошникам руководители «добропорядочных» государств? Год и два месяца спустя чета Есенин и Дункан возвратилась в Россию. Все «мостики» для Айседоры в прошлое были сожжены. Она приняла решение остаться жить в Советском государстве.

После возвращения в Москву и разрыва с Есениным Дункан с головой окунулась в работу и решение насущных проблем. Главной из них оставалась нехватка средств. Чтобы подзаработать хотя бы на самое необходимое, танцовщица вынуждена была организовать свои гастроли по России.

Гастроли, затянущиеся на много месяцев, проходили по югу — Украине, Кавказу, Средней Азии. Затем балерина поехала на Урал. Вынашивала планы проехать даже по Сибири и дойти до Китая. Последнее осуществилось не удалось. Наверное, к счастью для самой Дункан, потому как с самого начала гастролей ее сопровождали одни неудачи. И все эти месяцы она была обречена на нищенское, полуголодное существование. Каждое ее письмо в Москву, приемной дочери Ирме, заканчивалось одними и теми же словами: «Твоя бедная Айседора».

В Екатеринбурге, из-за полного отсутствия средств, актриса застряла на две недели. Однако здесь она не только предавалась переживаниям, но многое посмотрела, о многом узнала. В частности, посетила дом Ильяева, воочию увидела стены со следами пули, сразивших царскую семью. В парикмахерской, куда как-то зашла, услышала от старого бродяги такое признание: «В городе не осталось ни одной дамы. Они всех расстреляли...» Можно сказать, что в России в эти годы не сыскать было более осведомленного иностранца, чем Айседора Дункан.

— Гастрольные невзгоды и повлияли на окончательное решение Дункан после возвращения в Москву уехать из России?

— Айседора не хотела навсегда расставаться с Россией. Но после возвращения с «провальных» гастролей содержать школу и воспитанниц стало еще труднее. Танцовщица изо всех сил искала выход из создавшегося положения. В конце концов нашла его: школу, по ее мнению, могли спасти лишь зарубежные контракты и гастроли. К тому же осуществится и ее заветная мечта: она покажет своим воспитанникам Европу, а на Западе увидят плоды ее трехлетнего труда.

В сентябре 1924 года она уехала из России. Одна. Детей с ней не отпустили и на этот раз. Они остались в Москве на попечении Ирмы Дункан.

— Великую танцовщицу Запад снова отверг...

— Провал следовал за провалом. Их главной причиной была крепко-накрепко приклеившаяся к ее имени приставка «красная». Пострадала балерина и от

своих недобросовестных менеджеров, обокравших ее подчистую и буквально обрехавших на голодную смерть. Одно время, в Германии, без гроша в кармане, Дункан была вынуждена какое-то время жить даже в содержании сочувствующего ей студента. Во Францию, где был ее дом, балерина попала лишь после невероятных усилий друзей и совершенно боляная.

Но, придя после пережитого в себя и немного оправившись от потрясений, она вновь стала хлопотать о том, как поправить финансовое положение оставшейся в Москве балетной школы. Танцы, гастроли, искусство для этой цели уже не годились. Оставался единственный шанс — заработать деньги на мемуарах.

— Не так давно в книжных магазинах появились воспоминания Дункан «Моя жизнь». Прочитав мемуары, ловишь себя на мысли, что обязательно должно последовать их продолжение.

— «Моя жизнь» и вправду по замыслу ее автора должна была стать частью трилогии. Названия двух других частей Дункан придумала уже заранее: «Моя Россия» и «Мой Есенин».

Вскоре после возвращения во Францию друзья балерины купили ей дом в Ницце, и, уединившись, она стала работать над книгой. В конце 1925 года, когда она описывала трагическую смерть своих детей, ее застало известие и о гибели Есенина.

— Трудно поверить, что даже после этого она мечтала возвратиться в Россию.

— Тем не менее в своем последнем интервью, когда ее спросили, какой период своей жизни она считает самым значительным, актриса не задумываясь ответила: «Россия, Россия, конечно, Россия». Дункан мечтала вернуться сюда и даже провести здесь остаток своих дней.

В сентябре 1927 года, за несколько дней до своей нелепой, на первый взгляд, гибели, она взялась за продолжение мемуаров. Один из ее знакомых, Илья Шнейдер, в своих воспоминаниях оставил такую запись: «Голубоватые листы бумаги нетронутой стопкой лежали на столе Айседоры в Ницце. Страницы о годах, проведенных у нас, не были написаны».

Они и не могли быть написаны. К этому времени разочарование большевистской властью достигло в Айседоре своего предела. К тому же она видела и знала, как говорится, всю ее подноготную: голод, нищету, болезни, захлестнувшие страну, бюрократизм и надменность людей от власти. Добавьте сюда остроумие и юмор, с вкраплениями сарказма, которыми обладала эта женщина. Рассказывают, как, будучи в России и плохо разговаривая по-русски, она как-то выразилась в адрес одного из своих знакомых: «А этот товарищ уже вполне созрел, чтобы быть отправленным в Нарымский Крым». Это надо же додуматься до такого тонкого и точного сравнения!

И теперь представьте, какой «бомбой» для Советского государства могла стать ее книга «Моя Россия»...

— Валентина Семеновна, пришел ли кто-нибудь до вас к выводу о том, что гибель балерины была спланирована?

— Такие версии на Западе существуют давно. У нас же все эти годы господствовала одна-единственная: балерина погибла в результате несчастного случая от заматывшегося вокруг шеи шарфа.

— Вы упомянули, что свидетелей трагедии было всего трое...

— Да, это шофер гоночной машины «Бугатти», подруга танцовщицы Мэри Дэсти и некий кинорежиссер Ваня, проважавшие ее на прогулку. О водителе машины почти ничего не известно. Мэри Дэсти после гибели Дункан сразу же собралась в Москву. И кто знает, зачем? А кинорежиссер Ваня (по другим сведениям — белогвардейский офицер-эмигрант) как сквозь землю провалился. Это именно он захлопнул дверь машины, куда усадил Айседору и за спицы колеса которой «случайно» зацепилась кисть ее шали. Все это наводит на мысль о преднамеренном убийстве, хотя никакого расследования после случившегося проведено не было.

Тело Айседоры они перевезли в Париж и похоронили в одной могиле с ее детьми: Дейдре и Патриком.

Беседу вела Анна СИВКОВА

г. СЫКТЫВКАР